

A Parisian street scene with the Eiffel Tower in the background. The street is lined with multi-story buildings featuring ornate balconies and street lamps. In the foreground, two figures wearing dark, hooded cloaks are walking away from the viewer. The sky is overcast and grey.

Сергей (Вождь)

Цветы среди теней

Сергей (Вождь)
Цветы среди теней

«Автор»

2026

(Вождь) С. П.

Цветы среди теней / С. П. (Вождь) — «Автор», 2026

Париж эпохи Французской революции. Город, где кровь гильотины смешивается с магией древних артефактов, а борьба за свободу сталкивается с заговором тайного Ордена Полумесяца. Жан-Люк и Мадлен оказываются в самом сердце заговора: Жак д'Орвиль, глава Ордена, планирует провести тёмный ритуал во время казни графини де Верней на площади Революции. Сила толпы должна многократно усилить его магию — и погрузить Париж во тьму. В руках героев — Ключ Семи Печатей: артефакт, способный не только запечатать магию, но и обратить её против создателя. Чтобы сорвать планы Ордена, Жан-Люк и Мадлен объединяются с неожиданными союзниками: часовщиком Анри, священником отцом Антуаном и несколькими гвардейцами, ставшими свидетелями сверхъестественного.

© (Вождь) С. П., 2026

© Автор, 2026

Сергей (Вождь) Цветы среди теней

Глава 1. Кровь на мостовых

Париж, 1792 год.

Дождь лил как из ведра, размывая грязь на улицах Сент-Антуанского предместья. Капли стучали по черепичным крышам, смешиваясь с отдалёнными криками: «Долой тиранов! Свобода или смерть!». В воздухе висел запах гари, пота и чего-то ещё — сладковатого, тошнотворного. Жан-Люк знал этот запах. Кровь. Много крови.

Над городом висела тяжёлая, душная мгла — не то туман, не то дым от костров на площадях. Где-то вдали били барабаны, задавая ритм маршу национальной гвардии. На стенах домов ещё виднелись обрывки старых королевских указов, поверх которых кто-то наспех наклеил свежие прокламации Комитета общественного спасения: «Свобода, равенство, братство или смерть».

Капитан Жан-Люк Морен прижался к стене полуразрушенного дома, пытаясь отдышаться. Его треуголка промокла насквозь, а плащ прилип к спине, словно вторая кожа. В руке он сжимал шпагу — клинок был в бурых пятнах, не только от дождя. Он провёл пальцем по гарде, стирая липкую влагу, и с отвращением вытер руку о плащ. Ладонь дрожала — не от страха, а от усталости и потери крови. Рана на плече, полученная в подвале особняка, снова начала кровоточить, пропитывая рубашку. Жан-Люк стиснул зубы. Он не мог позволить себе упасть. Не сейчас. Не когда правда о ритуале могла изменить судьбу всего города.

Он оглянулся. За ним гнались. Голоса приближались:

— Там он! Держи аристократа!

Жан-Люк выругался сквозь зубы. Он не аристократ — бывший офицер королевской гвардии, теперь просто человек, который знает слишком много. И который видел то, что не должен был видеть час назад в подвале особняка де Монфлери.

Перед глазами снова всплыла картина: свечи, расставленные по кругу, пентаграмма, нарисованная чем-то тёмным на каменном полу, и тело старого графа, распростёртое в центре. На груди — странный символ, вырезанный острым лезвием. А над ним — фигура в чёрном плаще с капюшоном, склонившаяся, словно в молитве.

«Это не просто убийство, — подумал он. — Это ритуал».

Он скользнул в узкий проулок между домами. Гнилые доски под ногами закрипели, но он не остановился. Впереди маячил тусклый свет — выход к Сене. Если удастся добраться до набережной, можно затеряться среди барж и рыбаков.

Но когда он завернул за угол, путь преградили трое. Высокие, в грубых куртках, с пиками в руках. На шее у одного болтался окровавленный шнурок с медальоном — знак санкюлотов. Их лица были искажены яростью, глаза горели фанатичным огнём.

Главарь сделал шаг вперёд, и на мгновение Жан-Люк заметил, как в тени капюшона что-то блеснуло — не металл, а странный, пульсирующий синий огонёк. Он моргнул — и видение исчезло. «Наваждение», — подумал капитан, но холод пробежал по спине.

— Куда спешим, месье? — хрипло рассмеялся тот, что стоял впереди. Его зубы были жёлтыми, а глаза — пустыми, как у мертвеца. — Не к королю ли бежим?

Жан-Люк отступил назад, чувствуя, как холодный металл шпаги согревается в его ладони. Он быстро оценил ситуацию: слева — глухая стена, справа — забор, слишком высокий, чтобы перелезть. Единственный выход — вперёд, через них.

— Я служу Республике, — произнёс он медленно. — Как и вы.

— Республика не нуждается в шпионах, — прошипел второй, поднимая пику. Его голос дрожал от возбуждения. — Ты прячешься, как крыса. Значит, ты враг народа!

Третий, самый молодой, с веснушчатым лицом, молча поднял дубинку. В его глазах читалась неуверенность, но он не осмеливался послушаться старших.

Они двинулись вперёд.

Жан-Люк сжал рукоять шпаги крепче. Он знал, что не сможет одолеть троих в открытом бою. Нужно было что-то другое.

В этот момент за их спинами раздался женский голос:

— Стойте!

Все обернулись.

Из-за угла вышла женщина. Высокая, стройная, в чёрном плаще с капюшоном. Лицо наполовину скрывала вуаль, но глаза сверкали, как два острых клинка. Её плащ был не просто чёрным — он словно поглощал свет, делая фигуру почти неразличимой в сумраке проулка. Когда она подняла пистолет, Жан-Люк уловил на её запястье тонкий серебряный браслет с выгравированными символами — такими же, как на груди убитого графа. В руке она держала пистолет — маленький, изящный, но ствол был направлен прямо в грудь главарю толпы.

— Отпустите его, — сказала она. Голос звучал спокойно, почти лениво, но в нём чувствовалась сталь.

Санкюлоты замерли. Главарь медленно обернулся, его лицо исказилось от ярости.

— Кто ты такая, чтобы нам приказывать? — прорычал он.

Женщина улыбнулась. Её губы, ярко-красные на фоне бледного лица, изогнулись в насмешливой улыбке.

— Мадлен Легран, — ответила она. — И я знаю, что вы сегодня уже убили троих без суда. Хотите добавить к списку ещё одну жертву?

— А если я скажу, что знаю, кто приказал вам дежурить сегодня на этом маршруте? — Мадлен чуть наклонила голову, её голос стал тише, но от этого звучал ещё опаснее. — И что вы уже получили плату от другого человека за то, чтобы «не заметить» одного беглеца?

Главарь побледнел, его рука невольно дёрнулась к нагрудному карману. Мадлен улыбнулась шире.

— Вот и я так подумала. Так что давайте договоримся по-хорошему. Или предпочтёте получить награду за живого капитана Морена?

Главарь заколебался. Его сообщники переглянулись. Молодой с веснушками нервно сглотнул.

— Сколько? — хрипло спросил главарь.

Мадлен вытащила из-под плаща кожаный мешочек. Монеты звякнули так соблазнительно, что даже дождь, казалось, притих.

— Половина сейчас, половина — когда доставите его живым в «Красный ворон».

Главарь протянул руку. Мешочек перекочевал к нему. Он взвесил его на ладони, кивнул и махнул своим:

— Ладно, красotka. Но если это ловушка...

— Не ловушка, — перебила Мадлен. — А сделка. И я всегда держу слово.

Она повернулась к Жану-Люку. Их взгляды встретились. В её глазах он увидел что-то странное — не просто расчёт, а... узнавание?

— Идёмте, капитан, — тихо сказала она. — У нас мало времени. Тот, кто убил де Монфлери, уже знает, что вы видели ритуал. И он не остановится ни перед чем, чтобы заставить вас молчать навсегда.

Жан-Люк помедлил, затем кивнул. Он не доверял ей, но выбора не было.

Они пошли вдоль проулка, стараясь держаться в тени. Дождь усилился, превращая кровь на мостовой в розовые ручейки. Где-то вдалеке грохнул выстрел, и толпа на площади взревела в едином порыве.

— Почему вы помогли мне? — наконец спросил Жан-Люк, когда они свернули в более тихую улицу.

Мадлен остановилась, подняла вуаль, и он впервые увидел её лицо полностью. Тонкие черты, высокие скулы, тёмные глаза, в которых читалась какая-то глубокая, затаённая боль.

— Потому что мы с вами связаны, капитан, — сказала она тихо. — Вы видели ритуал, а я знаю, кто его проводил. И если мы не остановим их, Париж утонет в крови. Не только той, что проливают на гильотине.

Она сделала паузу, её голос стал ещё тише:

— Они призывают нечто древнее. То, что старше самой Революции. И оно уже начало пробуждаться.

Жан-Люк почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он вспомнил пустые глаза жертв, странный символ на груди графа...

— Откуда вы это знаете? — спросил он.

Мадлен улыбнулась, но улыбка вышла горькой.

— Мой отец был членом одного из таких обществ. Он пытался остановить их, но они нашли его. И убили. Теперь я должна закончить то, что он начал.

— Он оставил записи, — продолжила Мадлен, не оборачиваясь. — Фрагменты дневника, зашифрованные формулы. Я расшифровала лишь часть. Там говорится о «Ключе Семи Печатей» — артефакте, который может остановить ритуал. Но он разделён на части, и одна из них... — она запнулась, — ...одна из них была у моего отца. И теперь её ищут все.

Жан-Люк почувствовал, как волосы на затылке встали дыбом.

— Вы думаете, они убили его из-за этого? — тихо спросил он, невольно понизив голос, словно боясь, что сами стены могут подслушать.

— Не только, — Мадлен обернулась, и в отблеске далёкого фонаря Жан-Люк заметил, как дрожат её пальцы, сжимающие пистолет. — Они хотели узнать, где спрятана остальная часть. Отец успел переслать мне фрагмент карты перед смертью. Но я не знаю, можно ли ей доверять. В дневнике он писал, что Ключ нельзя собрать воедино без последней части — той, что скрыта где-то под Парижем. И что ритуал призван пробудить древнюю силу, которая подчинит себе волю людей. Не просто убить — поработить.

Жан-Люк вспомнил пустые глаза жертв, странный символ на груди графа... и тот миг в подвале, когда фигура в плаще подняла руки над телом де Монфлери — тогда воздух на мгновение сгустился, а свечи вспыхнули синим пламенем. Он сглотнул.

— Карта... — повторил он. — Где она сейчас?

Мадлен расстегнула верхнюю пуговицу плаща, осторожно вытащила сложенный вчетверо лист бумаги и на мгновение развернула его. В полутьме Жан-Люк разглядел лишь часть рисунка: извилистые линии, напоминающие катакомбы, и красную точку с подписью «S».

— Здесь, — она снова спрятала карту. — Но это лишь фрагмент. Отец зашифровал местоположение остальных частей в своих записях. Я нашла три страницы, но они написаны на каком-то древнем диалекте — возможно, на окситанском. Мне нужна ваша помощь, капитан. Вы служили в гвардии, у вас есть связи. И вы видели ритуал своими глазами — значит, понимаете, что это не просто суеверия.

Вдалеке, за пределами слышимости, раздался низкий гул — не гром, а что-то более глубокое, вибрирующее в земле. Мадлен на мгновение замерла, её пальцы сжались на рукояти пистолета. Жан-Люк тоже это почувствовал — едва уловимую дрожь, словно сам город затаил дыхание.

Он посмотрел на женщину перед собой: бледное лицо, решительный взгляд, следы усталости в уголках глаз. В этот момент она казалась не просто союзницей — а единственным человеком, кто мог помочь ему разобраться в происходящем.

— Хорошо, — наконец произнёс он. — Я помогу вам. Но с одним условием: вы расскажете всё, что знаете о Ключе. Без тайн.

Мадлен кивнула.

— Согласна. Но сначала нам нужно укрыться. «Красный ворон» — не лучшее место для откровенных разговоров, но там мы хотя бы будем в безопасности до рассвета.

Они двинулись дальше, ускоряя шаг. Дождь всё лил, размывая следы на мостовой, а где-то глубоко под Парижем синий огонь вспыхнул ярче, очерчивая новый круг на каменном полу катакомб. Ритуал продолжался.

Глава 2. Тени в «Красном вороне»

Они шли по извилистым улицам Парижа, минуя толпы возбуждённых санкюлотов, выкрикивающих лозунги. Дождь не утихал — вода струилась по стенам домов, смывая надписи «Свобода, Равенство, Братство» и обнажая под ними старые королевские гербы. Капли били по затылку, стекали за воротник, смешиваясь с потом. Каждый вдох отдавался болью в боку, а шаги эхом разносились по переулку, будто выдавая его местоположение.

Мадлен шла быстро, почти не глядя по сторонам, но Жан-Люк заметил, как её пальцы время от времени сжимают рукоятку пистолета, спрятанного в складках плаща. Он старался не отставать, хотя каждый шаг отдавался острой болью — рана, полученная в особняке де Монфлери, давала о себе знать.

— Далеко ещё? — хрипло спросил он.

— Два квартала, — бросила Мадлен через плечо. — И постарайтесь не привлекать внимания. В этом районе слишком много глаз.

Она свернула в узкий переулок, где запах гниющих отходов смешивался с дымом от костров и кислым запахом прокисшего вина. Где-то вдали слышались крики и звон оружия. У стены сидел оборванный мальчишка лет десяти, кутаясь в рваное одеяло. При виде Мадлен его глаза расширились.

— Мадам Легран! — прошептал он, вскакивая. — Они здесь были! Четверо, спрашивали про вас и какого-то капитана...

Мадлен остановилась, её лицо стало непроницаемым.

— Когда?

— Час назад. Один из них дал мне монету, чтобы я сказал, если вы появитесь.

Она кивнула, достала из кармана ещё одну монету и бросила мальчику.

— Беги к отцу Антуану в церковь Святого Мартина. Передай: «Ворон у гнезда». Повтори.

— Ворон у гнезда, — послушно повторил мальчишка.

— Хорошо. И не задерживайся.

Мальчик исчез в лабиринте переулков, а Мадлен повернулась к Жану-Люку.

— Нам нужно спешить, — сказала она. — Они знают, куда мы идём.

Они ускорили шаг. Вскоре впереди показалась вывеска — потрёпанная деревянная доска с изображением красного ворона, сжимающего в когтях кинжал. Надпись под ним гласила: «Красный ворон — убежище для тех, кто не спит по ночам».

— Ваше убежище? — спросил Жан-Люк, разглядывая тёмный вход.

— Место, где можно говорить без лишних ушей, — поправила Мадлен. — И где хозяин знает цену молчанию.

Она толкнула дверь. Внутри было на удивление тепло и сухо, пахло жареным мясом и хмельным элем. Несколько посетителей — моряки, торговцы, подозрительные личности в плащах — подняли головы, но, узнав Мадлен, тут же вернулись к своим кружкам. Хозяин, плотный мужчина с седыми бакенбардами, кивнул им из-за стойки и незаметно проверил, нет ли кого за их спинами.

— Комната готова, — тихо сказал он. — И ужин.

— Спасибо, Пьер, — Мадлен направилась к узкой лестнице в глубине зала.

Комната наверху оказалась маленькой, но уютной: кровать, стол, пара стульев и камин, в котором потрескивали дрова. На столе действительно стоял ужин — хлеб, сыр, вино и жаркое, от которого шёл аппетитный пар.

Жан-Люк опустился на стул, чувствуя, как напряжение понемногу отпускает. Мадлен сняла плащ, вуаль и села напротив. Теперь он мог разглядеть её получше: тёмные волосы, собранные в узел, тонкие черты лица, шрам у виска — тонкий, почти незаметный. Она осторожно развернула пергамент, её пальцы слегка дрожали, когда она задерживала взгляд на определённых символах.

— Расскажите мне всё, — сказала она, наливая вино в два стакана. — Что вы видели в особняке де Монфлери?

Жан-Люк помолчал, собираясь с мыслями. Встал, подошёл к окну и на мгновение замер, глядя на улицу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.